

СЛУЖИЛЫЕ ИНОЗЕМЦЫ И ИНОЗЕМСКИЙ (ПАНСКИЙ) ПРИКАЗ В 10–20-х ГОДАХ XVII ВЕКА

О. В. Скобелкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 июля 2011 г.

Аннотация: в статье рассматриваются различные контакты служилых иноземцев с Иноземским приказом в 10–20-х гг. XVII в. На основе изучения неопубликованных архивных документов анализируется роль Иноземского приказа в организации жизни и службы западноевропейцев в России.

Ключевые слова: иноземцы, военная служба, Иноземский приказ, Россия, XVII век.

Abstract: the article studies the contacts of 'outlanders on service' and Inozemsky Prikaz (Outlander Department) from 1610 to 1630. The study is based on the inedited archive documents, and analyses the role of Inozemsky Prikaz in management of western outlanders' life and service in Russia.

Key words: foreigners, military service, Inozemsky Prikaz, Russia, XVII century.

Самое раннее известие о существовании специального ведомства, которому были подведомственны служилые иноземцы, принадлежит Джильсу Флетчеру и, следовательно, относится к 1588–1589 гг. Рассказывая о финансовом и фискальном устройстве Московского государства и, в частности, о средствах, которые идут на жалованье служилым людям из разных приказов, он сообщает: «То же должно сказать относительно Приказа Иноземного, имеющего в своем заведовании земли, определенные на содержание иноземных наемных солдат <...>» [1, с. 66]. В оригинале учреждение автором названо «Prchase Shisiuoy Nemshoy», что К. М. Оболенский перевел как «приказ Иноземный». То, что речь идет именно о приказе, сомнений не вызывает: во-первых, он упоминается наряду с другими приказами в рассказе о месте приказной системы в финансовом устройстве России, во-вторых, «prchase» – явно искаженное русское слово «приказ». Однако, по мнению издателей текста Флетчера 1966 г., словосочетание, использованное английским дипломатом, является не вполне удачной попыткой передать русское звучание названия ведомства на английском; поэтому в указанном издании использован другой вариант – «Prikaz Shishevoi Nemskii» [8, с. 57, 162, 174]. Получается, что кто-то из русских информаторов Флетчера называл этот приказ «шишевой немский».

Что касается прилагательного «немский», то это, без сомнения, искаженное слово «немецкий», которым в те времена обозначали всё, что относилось к странам и народам Западной и отчасти Центральной Европы. Если приказ, ведавший иноземцами в пери-

од пребывания Флетчера в России, действительно назывался «немецким», то это может означать, что в то время «немцы» составляли большинство служилых иноземцев. (Правда, это противоречит данным самого Флетчера, согласно которым на русской службе среди иностранцев абсолютно преобладали выходцы из Речи Посполитой.) Учитывая, что к концу 80-х гг. XVI в. в ходе Балтийских войн в России действительно оказалось небывалое дотоле количество немцев (как в современном значении, так и в значении той эпохи), существование такого названия приказа, пусть даже не на официальном, а на бытовом уровне, вполне правдоподобно.

Что же касается слова «шишевой», то, скорее, это прилагательное от старинного «шиш» – соглядатай, доносчик, вор, т.е. слова с ярко выраженной отрицательной семантикой. Можно предположить, что, употребляя его в разговоре с Флетчером, русский информатор или подшутил над не знающим русского языка собеседником либо в разговорной речи определенных кругов это, в общем-то оскорбительное, определение закрепилось в качестве второго названия Немецкого (?) приказа.

Относительно же использования переводчиком названия «Иноземный», то здесь, скорее, мы имеем дело с переносом искаженного названия XVII в. в предшествующее столетие.

Спустя 10 лет после посещения России Флетчером, еще один англичанин (по мнению публикаторов английского текста и русского перевода, им был, скорее всего, врач Марк Ридли) в сочинении «Писанные законы России», составленном в 1598 г. [3, с. 186–187], также зафиксировал наличие специаль-

ного ведомства, которому подчинялись служилые иностранцы. Но теперь оно называлось по-другому – Панский приказ (Panskoie prikaze). Вот как описал его автор «Писаных законов...»: «Панский приказ (Panskoie prikaze), или ведомство [для] солдат, которые являются поляками и иностранцами, получающими плату и жалованье. Их главный чиновник – князь Михаил Глебович Салтыков, окольник, и Игнатий Петрович Татищев, дворянин совета, дьяк Дорофей Бохин. У двух последних также в подчинении Челобитный приказ или ведомство по прошениям» [4, с. 197].

К сожалению, документов приказного делопроизводства XVI в., в которых бы упоминалось официальное название этого приказа, по-видимому, не сохранилось. Единственным, кажется, исключением является боярский список 1598–1599 гг. В документе против имени кашинского выборного дворянина Левонтия Иванова сына Застолпского стоит зачеркнутая помета «На Панском», а против имени тверского выборного Муртозы Захарьева сына Шапилова – помета «На Панском» [5, с. 255, 257]. С. Н. Богатырев справедливо полагает, что речь здесь идет о Панском дворе [3, с. 200, прим. 28].

Учитывая, что сведения «Писаных законов...» и боярского списка являются синхронными, можно полагать, что в конце 90-х гг. XVI в. учреждение, ведавшее служилыми иноземцами, называли и Панским приказом, и Панским двором.

Для XVII в. самое раннее упоминание этого приказа относится, по-видимому, к 1610 г., когда в конце лета – начале осени в ставке короля Сигизмунда III под осажденным Смоленском был составлен любопытный документ – «Лист на уряды», по которому назначались новые судьи в целый ряд московских приказов. В этом документе интересующее нас ведомство названо Панским приказом, а судьей назначался М. А. Молчанов [6, с. 303; 7, с. 63–64]. С этого времени и до начала 20-х гг. XVII в. только это название можно встретить в документах. Следовательно, в промежутке между концом 90-х гг. XVI в. и 1610 г. наименование «Панский приказ» вытеснило «Панский двор».

С 1623/24 г. появляется новое название ведомства – Иноземский приказ [7, с. 112; 8, с. 62]. По данным С. К. Богоявленского, руководство Панского приказа – боярин кн. И. Б. Черкасский, дьяки О. Коковинский и Г. Нечаев – последний раз упоминается 11 октября 1623 г., а в июне 1624 г. те же лица фигурируют уже в качестве руководителей Иноземского приказа [9, с. 110, 71]. Таким образом, в промежутке между октябрём 1623 г. и июнем 1624 г. приказ сменил свое название.

Новое наименование приживалось постепенно: есть немало случаев, когда в одно и то же время одни подьячие называют приказ по-старому, Панским, а

другие – по-новому, Иноземским. Примером может служить дело о конфликте между русскими служилыми людьми и иноземцами в Угличском уезде. В большинстве документов дела приказ назван Иноземским, но в поручной записи, составленной от имени группы иноземцев-поручителей неким Ивашкой Афанасьевым, приказ назван Панским [10, л. 69]. Сами иноземцы (или подьячие, составлявшие их челобитные) довольно долго использовали название «Панский». Так, в декабре 1627 г. в совместной челобитной двух «бельских немцев» приказ называется по-старому [там же, л. 24].

Служилые иноземцы в силу своей двойственной природы (с одной стороны, иностранцы, с другой – служилые люди) находились на всем протяжении своей жизни и службы в России, регулярно имели дело с двумя приказами: как иностранцы – с Иноземским, как люди военные – с Разрядом. Именно в этих ведомствах хранилась информация об их службе, изменении жалованья и т.п. Однако в 10-х гг. XVII в. имело место, своего рода, соперничество в делах управления служилыми иноземцами между Панским приказом и Разрядом. Кроме того, видимо, в силу определенной ведомственной неразберихи, имевшей место в первые годы царствования Михаила Федоровича, и официально служилые иноземцы подчинялись обоим ведомствам. Так, в ноябре 1614 г. против казачьих отрядов, действовавших в Костромском уезде, был направлен воевода стольник И. В. Измайлов, «а в походе с Иваном Измайловым указал государь быть литве и немцом и всяким иноземцом, которых ведают в Разряде и в Панском приказе» [11, с. 8]. Исходя из этой записи, следует полагать, что какая-то часть иноземцев находилась в ведении не Панского приказа, а Разряда. Правда, выяснить, по какому принципу происходило это разделение в подведомственности, пока не представляется возможным.

В 20-х гг. XVII в. Разряд «отодвигают» в сторону, и Иноземский приказ становится главной инстанцией для иностранных военных. Даже вопросы о назначении иноземцев на командирские должности теперь не выносились на рассмотрение Думы, а решались в ведомстве кн. И. Б. Черкасского (возглавлявшего приказ до весны 1642 г.). Возможно, это было связано не столько с упорядочиванием системы приказного управления, сколько с возрастающим влиянием судьбы Иноземского (а до того – Панского) приказа на вопросы государственного управления.

Служилые иноземцы имели дело со «своим» приказом по целому ряду вопросов.

В 20-х гг. XVII в. Иноземский приказ занимался организацией ежегодной службы служилых иностранцев в Украинном разряде – сбором соответствующей «половины» к определенному сроку в Тулу, где размещался так называемый большой полк [12, 13].

Поскольку иноземцы, включавшиеся в эту группировку русских войск, были «расписаны» по ротам, все вопросы, связанные с этими подразделениями, также решались в Иноземском приказе. К ним относятся формирование самих рот, организация выборов старших и младших командиров в роте с последующим утверждением результатов, перевод иноземцев из одной роты в другую, укомплектование рот военными музыкантами.

В Иноземский приказ обращались командиры иноземских рот, когда нужно было изготовить ротное знамя. Так, в апреле 1628 г. с подобной челобитной обратился ротмистр только что созданной роты Ян (Иван) Вуд: «По твоему государеву указу велено нам быть на твоей государевой службе на Туле, а знамени у нас в роте нет, потому что у нас рота и люди новые. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам о том свой царьской указ учинить и вели, государь, нам в роту дать знамя» [10, л. 471]. На документе имеется помета: «Послать память на Казенной двор, велеть знамя зделать. Приказал боярин князь Иван Борисович Черкасской». Следовательно, вопрос об изготовлении знамени решался на уровне судьи Иноземского приказа.

В Иноземском приказе разбирались дела иноземцев, которых переводили с одного места службы на другое. При этом проводился очень подробный расспрос о всей предшествовавшей жизни и службе, в том числе и до выезда в Россию. Для проверки сообщаемых сведений Иноземский приказ использовал институт «знатцев». Примером может служить дело англичанина Томаса Харисона:

«А у выписи Томас Харисон в роспросе сказался. Родом он Аглинские земли. За дедом иво и за отцом в Аглинской земле были именья свои. А он, Томас, после отца своего остался мал и служил он в Аглинской земле и на море в караблях в роте у капитона у Келистениса Брукса пять лет. А как у аглинских и у галанских немец война была со шпанскими людьми о вере, а после тово служил он в Свейской земле у французского полковника в полку у Алавина, а после служил в полку у Самила Кобринна. А в первой год имал он найму на один конь, а в другой год на 2, а в третьей год на три кони. А на конь имал найму по 9 рублей на месяц.

И в прошлом во 124-м году выехал он, Томас, на государево имя из Аглинские земли с послом со князем Иваном Ульяновым. И с ним же, Томасом, вместе выехал товарищ иво Джан Скруп. И давано им, Томасу и Джану, государева жалованья поденного корму из Болшово Приходу до казанские посылки по 6 алтын по 5 де. да питья з Дворца по 3 чарки вина, по 2 крушки меду, по 2 крушки пива человеку на день. Да на лошади их конской корм по указу.

А как они в Казань с Москвы посланы, и в Казани им учинены оклады денежные по 20 рублей человеку и корм против иных казанских жильцов.

И по государеву указу товарищ иво Джан Скруп по иво челобитью ис Казани взят к Москве до московского большово пожару. И дают ему государево жалованье поденной корм и питье по тому ж, по чему ему до казанские посылки давано. А он, Томас, по государеву указу ис Казани взят к Москве ж, а кормовые иво деньги велено жене иво дать в Казани, как ее ис Казани отпустят к Москве сентября по 24 число. И с тех мест ему, Томасу, кормовых денег не давано и против иво товарища Джана Скрупа корму он в Большой Приход не справлен.

А знали, иво, Томаса, и про службу иво ведают, как он в Свее служил, нововыезжие ж иноземцы, что был прапорщик Роман Маль, Томас Вяст, Вилим Арн, Джан Стурт. <...>

А знатцы, что был прапорщик, Роман Маль да Томас Вяст, Вилим Арн, Джан Кенарт, сказали по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью то ж, что и Томас Харисон про свое отечество и про службу сказал; что они иво, как он служил в Свее в полку у Самоила Кобринна на 3 кони, знали и то они ведают, что давано ему корму на кони по 9 рублей на месяц. И как он выехал на государево имя, и давано ему из Большово Приходу поденного корму до казанские посылки, что и Джану Скрупу, по 6 алтын по 5 де. на день» [14, л. 18–19, 22].

Разбирались в Иноземском приказе конфликты между иноземцами и русскими людьми. Примером может служить дело о вооруженной драке в Угличском уезде в 1627 г. между двумя русскими помещиками, с одной стороны, и несколькими их соседями-иноземцами – с другой (о том, как проводились в XVII в. следственные действия на местах см. [15]). Руководство приказа направило грамоту угличскому воеводе с распоряжением прислать в приказ для разбирательства задержанных «немцев» [10, л. 63–64, 64 об., 65–66]. Таким образом, первоначально планировалось, что в приказе будут разбираться лишь с обвиняемыми иноземцами. Но дело затянулось в связи с вызовом обвиняемых на службу, тогда один из истцов вновь обратился в Иноземский приказ с просьбой «их поставить со мною с очей на очи к суду» [там же, л. 71]. До очной ставки в приказе дело не дошло; однако сам факт подобной просьбы позволяет предположить, что практика очных ставок русских людей с иноземцами в стенах Иноземского приказа имела место.

В Иноземском приказе проводились врачебные освидетельствования раненых и заболевших. Так, в августе 1629 г. в приказ обратился «старой нижгородской поместной немчин» Тимофей Юрьев с. Рымеров

с просьбой об отставке в связи со старостью и состоянием здоровья. На его челобитную была наложена резолюция: «поставить иноземца в приказе и осмотреть». Во исполнение этого решения «в Иноземском приказе старого выезду нижегородской немчин Тимофей Рымеров осматриван, и по осмотру очми он скорбен, правым глазом одва видит, а ливым (так в тексте. – О. С.) глазом, сказывает он, Тимофей, человека в лицо не видит, у обеих глаз веками одва взирает, и круг век красно. И рук подыть (так в тексте. – О. С.) ему выше головы не даст, а как руки учнет подымать на силу, и в плечах в вертлугах хрестит. А на левой ноге, знать, была рана, колено пробито навыллет. На левой ж руке на локти и на правом боку знатно были раны ж» [16, л. 126–131]. В результате осмотра судьей приказа было принято следующее решение: «Боярин князь Иван Борисович Черкасской приказал иноземца Тимофея Рымерова за ево увечье от службы отставить».

В Иноземском приказе велась особая учетная документация – служилые списки и окладные книги.

Первое известие о служилых списках или каком-то их аналоге относится еще к началу 70-х гг. XVI в. и содержится в сочинении Генриха Штадена. Правда, из его известия невозможно уяснить, в каком именно ведомстве они составлялись. Вот какую историю рассказывает вестфалец: «Когда эта игра (опричнина. – О. С.) была кончена, все вотчины были возвращены земским. <...> Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья. Благодаря этому я лишился моих поместий и вотчин и уже не числился в боярской книге. Причина: все немцы были списаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом – немецком – смотренном списке. Так при пересмотре меня и забыли» [17, с. 116]. Из этого (как всегда у Штадена, хвастливого и не вполне вразумительного) сообщения следует, что в 1572 г., после отмены опричнины, все «немцы» были записаны в некий общий список, который автор называет «смотренным». Однако наличие списка, который включал бы в себя действительно «всех» служилых западноевропейцев, вызывает большие сомнения. В первой трети XVII в., когда приказное делопроизводство стало значительно более развитым, такого рода документов не существовало. Следовательно, вряд ли они составлялись в предшествующем столетии.

В служилых списках 10–20-х гг. XVII в. перечислялись в порядке убывания окладов все высланные на какую-либо конкретную службу иноземцы. Поскольку по этим же спискам воеводы и иноземные офицеры проводили проверку наличия людей на службе и проводили ее, судя по всему, путем переключки, эти списки иногда сами иноземцы (или те

русские, которые писали им челобитные) называли «кликковыми» (от «кликать», «выкликать»). Когда в ноябре 1614 г. против «воровских» казаков был послан отряд служилых иноземцев во главе со стольником И. В. Измайловым, то воевода получил список иноземцев за дьячьёю приписью [11, с. 12]. Видимо, в данном случае речь шла именно о таком «кликковом» списке. (Правда, учитывая, что в отряд входили иноземцы, подведомственные как Панскому приказу, так и Разряду, остается неясным, дьяк какого приказа завизировал своей подписью этот документ.)

Окладные книги содержали данные о поместных и денежных окладах каждого иноземца и составлялись, судя по всему, ежегодно. В мае 1626 г., во время так называемого «московского большого пожара», окладные книги предшествующих лет сгорели; поэтому во второй половине 20-х гг. XVII в. руководство Иноземского приказа испытывало большие трудности, когда нужно было уточнить оклад того или иного иноземца.

Например, в 1627 г. в Иноземском приказе разбиралось судное дело кормового иноземца Василия Лекаря. «Для вершения судного дела» понадобились данные о его годовом денежном окладе. Хотя сам иноземец сообщил, что в свое время он был поверстан в Иноземском приказе и его оклад составлял 250 четей и 15 рублей в год, однако требовались документальные подтверждения. В приказе их не было: «тот иво помесной и денежной оклад в прошлом во 134-м году в московской большой пожар в Иноземском приказе згорел». Однако в финансовом отношении В. Лекарь еще до 1626 г. был переведен в ведение Костромской Чети, и «тот иво оклад <...> в Костромской Чети по сыску иноземцов ведом». И Иноземский приказ затребовал у Костромской Чети прислать данные об окладе иноземца [10, л. 26–27].

Другие приказы, в свою очередь, обращались в Иноземский приказ за той или иной информацией о служилых иноземцах. По-видимому, в других приказах не вполне представляли себе, какого рода информация хранится в архиве Иноземского приказа, и порой запрашивали сведения, которых там попросту не было. Примером может служить случай с иноземцем Томосовым. В январе 1628 г. Приказ Холопьяго суда обратился в Иноземский приказ с запросом: «тот Еремей Томосов в списку написан – крещен ли в крестьянскую веру или не крещен?» Однако система учета служилых иноземцев не предусматривала ни фиксации их конфессиональной принадлежности, ни специальных записей о переходе того или иного иноземца в православие. Кроме того, то ли в Приказе Холопьяго суда неправильно записали имя Томосова, то ли он действительно до того перешел в православие и фигурировал в деле под новым именем, но в документах Иноземского приказа Еремей Томосов не

значился. Поэтому ответ был следующим: «И в Иноземском приказе в окладных книгах и в служилых списках иноземца Еремея Томосова имени нет, и крещен ли он в православную крестьянскую веру или нет, тово не ведомо. А написан старого выезду иноземец Роман Юрьев сын Томосов старого выезду с поместными иноземцы, а в православную крестьянскую веру он крещен ли или не крещен, тово в окладной книге не написано» [10, л. 57–58].

К Иноземскому приказу обращались другие приказы и в тех случаях, если при разборе какого-либо дела в данном приказе требовалось личное присутствие иноземца, ни по каким вопросам напрямую неподсудного этому ведомству. Так, в феврале 1628 г., когда в Новой Чети разбиралось дело о кормчестве, руководители Чети обратились в Иноземский приказ с просьбой «прислать» фигуранта-иноземца [10, л. 60].

В Иноземском приказе, помимо учетной документации по иноземцам, хранились и тексты законодательных актов, связанных с иноземцами. Видимо, такие указы, касающиеся исключительно иноземцев, в другие приказы не поступали, в силу чего те, когда имели дело с иноземцами, вынуждены были обращаться в Иноземский приказ за соответствующими справками. Так, осенью 1627 г. в Приказе Холопьего суда рассматривался спор между Ю. Калединским и служилым «немчином» Артемием Гарлантом по поводу холопа. В этом случае Холопий приказ для начала решил выяснить, имел ли право Гарлант как некрещеный иноземец в принципе владеть русскими православными холопами. Руководство приказа знало о недавнем появлении указа, запрещающего неправославным владеть православными холопами [18; 19, с. 147]), однако текста указа не имело. Поэтому в Иноземский приказ был направлен следующий запрос: «А по государеву де указу некрещеным иноземцом, литве и немцом, русских людей у себя во дворах держать не велено для их осквернения, а о том де указ в Иноземском приказе. И по государеву <...> указу боярину князю Ивану Борисовичю Черкасскому да дьяком Ивану Нестерову да Ивану Трофимову велети выписать из государева указу: иноземцом некрещеным, литве и немцом, русских людей у себя во дворах держати велено ли или русских людей от некрещеных иноземцов, от литвы и от немец, по государеву указу велено отпустить на волю; да та выпись прислати в приказ Холопя суда» [10, л. 7а–7].

Обращались в Иноземский приказ и русские люди, если у них возникали конфликты с иноземцами. Так, в 1627 г. сначала обратились в приказ с челобитной, в которой жаловались на вооруженную драку, якобы затеянную их соседями-иноземцами, угличские помещики братья Кукарины, а позже с просьбой об очной ставке с обвиняемыми обращался один из братьев [10, л. 63–64, 71].

Как уже отмечалось, просьба об очной ставке со стороны русского служилого человека предполагала наличие практики вызова в приказ и русских людей. Подтверждением тому служит уже упоминавшееся дело о спорном холопе А. Гарланта и Ю. Калединского осени 1627 г. На определенном этапе рассмотрения дела Иноземский приказ потребовал от Приказа Холопьего суда прислать Гарланта и «человека», ставшего предметом спора, «к записке» в Иноземский приказ. Основанием для такого требования было одно из положений указа 1627 г. о некрещеных иноземцах: «по государеву указу некрещеным иноземцом русских людей, которые у них служат во дворах, и тех людей велено приводить к записке в Иноземской приказ и отпускные давать за дьячими приписями из Иноземсково ж приказа». И Гарлант и «человек» в сопровождении недельщика Холопьего приказа были отправлены в ведомство кн. Черкасского, и там оба были допрошены [17, л. 10–12].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флетчер Дж.* О государстве Русском / Дж. Флетчер. – М.: Захаров, 2002. – 168 с.
2. *Fletcher G.* Of the Rus Commonwealth / G. Fletcher // ed. by Albert J. Schmidt / Published The Folger Shakespear Library by Cornell University Press, Ithaca. – New York, 1966. – 189 p.
3. *Богатырев С. Н.* [Вводная статья к изд.] «Писанные законы России»: английское описание Московского государства конца XVI века / С. Н. Богатырев // Исторический архив. – 1995. – № 3. – С. 186–190.
4. «Писанные законы России»: английское описание Московского государства конца XVI в. // Исторический архив. – 1995. – № 3. – С. 183–201.
5. Боярские списки 1577–1607 гг. // Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. – М., 2004. – С. 191–318.
6. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / С. Ф. Платонов. – М., 1994. – 470 с.
7. *Лаптева Т. А.* Документы Иноземного приказа как источник по истории России XVII века / Т. А. Лаптева // Архив русской истории. – М., 1994. – Вып. 5. – С. 109–127.
8. *Лисейцев Д. В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI – начале XVII столетия / Д. В. Лисейцев // Иноземцы в России в XV–XVII веках. – М., 2006. – С. 59–69.
9. *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII вв. – М., 2006. – С. 33–317.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 210. – Стлб. Московского стола. – № 903.
11. Разрядная книга 7123 года // Временник императорского общества истории и древностей российских. – М., 1849. – Кн. 1. – Отд. II. Материалы. – С. 1–60.

12. Скобелкин О. В. Организация службы иноземцев на защите южных рубежей России в первой половине XVII в. / О. В. Скобелкин // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. – С. 19–21.

13. Скобелкин О. В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII века / О. В. Скобелкин // Иноземцы в России в XV–XVII вв. – М., 2006. – С. 292–302.

14. РГАДА. – Ф. 210. – Стлб. Московского стола. – № 799.

15. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2001. – 432 с.

16. РГАДА. – Ф. 210. – Стлб. Московского стола. – № 902.

17. Штаден Г. Записки немца-опричника / Г. Штаден / сост. и коммент. С. Ю. Шокарева. – М., 2002. – 240 с.

18. Опарина Т. А. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» / Т. А. Опарина, С. П. Орленко // Отечественная история. – 2005. – № 1. – С. 22–39.

19. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века : правовой статус и реальное положение / С. П. Орленко. – М., 2004. – 344 с.

Воронежский государственный университет

Скобелкин О. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России

E-mail: ovs@box.vsi.ru

Тел.: 8(473)224-75-14

Voronezh State University

Skobelkin O. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department

E-mail: ovs@box.vsi.ru

Tel.: 8(473)224-75-14